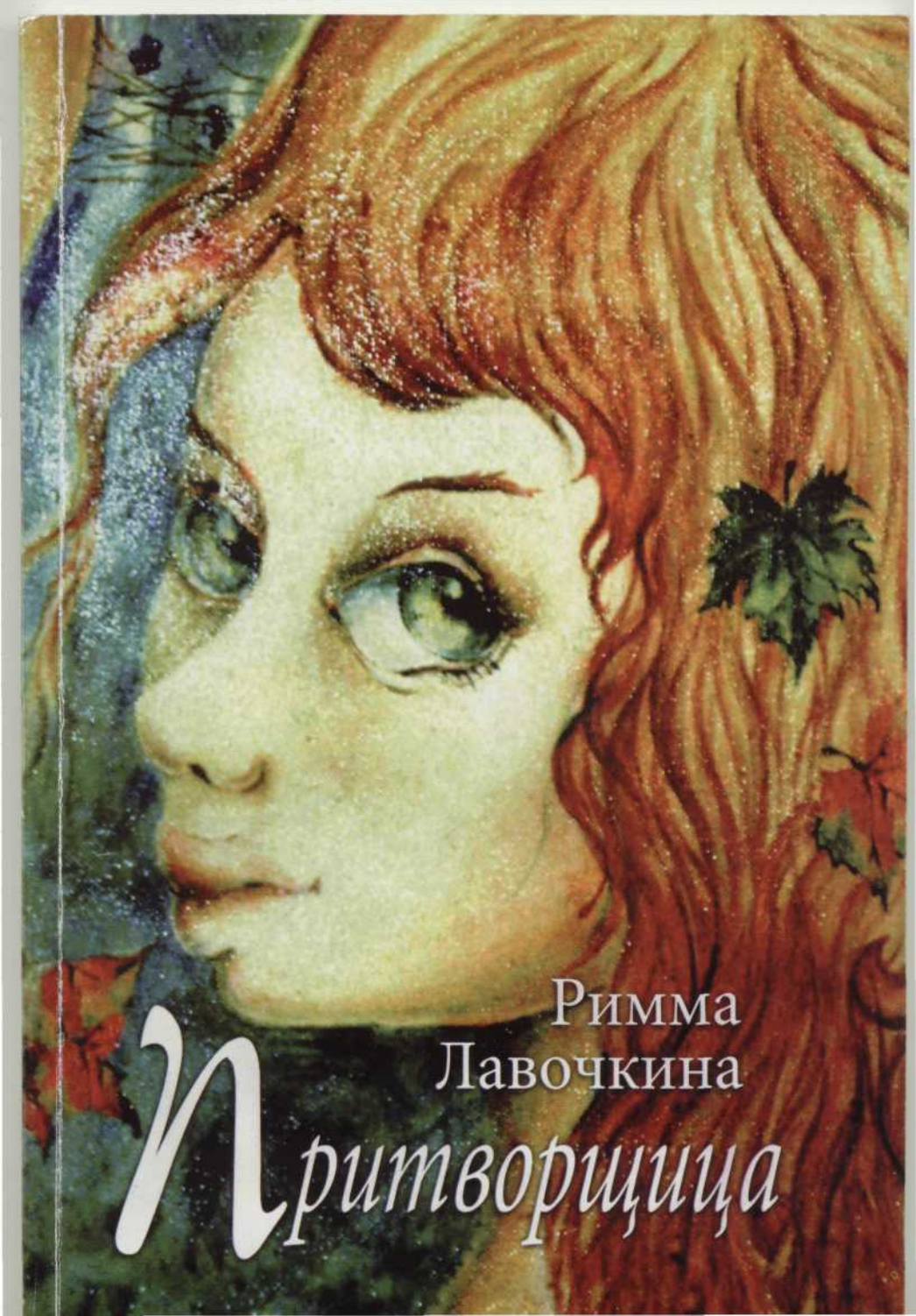

Римма
Лавочкина

Ирритворищица

Римма
Лавочкина

Ипритворищица

Стихи

Хабаровск
2008

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус) 6
Л72

Издатель:
Хабаровское региональное отделение
Союза писателей России —
ООО "Посредник"

Издано при финансовой поддержке
аппарата губернатора
Еврейской автономной области

Л72 Лавочкина Римма Ефимовна
Притворщица. Стихи. —
Хабаровск: 2008. — 120 с.

Иллюстрации автора.

Редактор Асламов М.Ф.
Художественный редактор Чешкин С.А.
Корректор Шаврина И.А.

ISBN 978-5-98621-024-7

© Р.Е. Лавочкина, текст, 2008
© Р.Е. Лавочкина, иллюстрации, 2008
© Хабаровское региональное отделение
Союза писателей России, 2008

Гимн бытию

Лавочкина – поэт. Хотя бы потому, что соблазнительна и лукава. Отличить ее стихи прошлого десятилетия от стихов нынешних можно лишь по датам: все они текут мёдом и молоком, давятся загустевшим на дальневосточном солоноватом морозе фруктовым соком чужеземщины, которую не вытравить из сосудов ни местными побоями, ни десятилетиями федерального террора.

Да, Лавочкину можно сажать на чайник, и он всегда останется горячим. Да, она невыносима, сумасбродна, назойлива, да, вьётся вокруг и около неутомонной летней пчелой (вот почему в этих стихах нет зимы, а только её предчувствие), но мы-то, мы – что, уже отвыкли от женщин, заменили их подиумными обмылками, чтобы вот так запросто списать в расход живую душу? Нет же, нет, мы не из их камня ваяны, чтобы профырчать “наив” и захлопнуть книжку.

Все мы живы по-разному и разным, но в каждом скользят и ворочаются плазменные потоки высокого разрешения, в которых братство становится неотменимым и основным, структурообразующим и изначальным.

Так, нельзя отменить в нас русского языка, той иступлённой свежести, которой он брызгается в нас из лужи будничной речи. Неотменима Россия, участь которой мы разделяем ценой собственной жизни.

И есть судьба, и её слуги, поющие нам колыбельные,
день за днём – изводящие, заунывные, зовущие или сид-
нем спать, или биться и побеждать, – выбирай, карава-
юшко.

*Все мы песнями беременны...
Вам, друзья, не буду врать.
Одного мы роду-племени,
Вместе нам и умирать.*

Именно этих тайн Лавочкина причащена своей судь-
бой, потихоньку-полегоньку приведшей её в Москву.

Чем святее тайна, тем она проще:

*Не знаю, чем мы живы
Средь кладбищ и лесов
И что сплетает жилы
Туннелей и мостов.*

*И ноги наши движет,
И строки проводов,
И вдоль дороги нижеет
Скорлупки городов.*

Кто ответит? Тот, кто промолчит.

Наивное искусство боится не той лжи, в которой
уличают ближние, а той, в которой уличает себя само. В
прозрачной ночной воде, в благодатную тишь не может
не всплыть на поверхность отверженное чудище *страха*
того, что не солгать нельзя. Что человек врёт как ды-
шит, что ему дано лгать так же, как дышать, что ложь
и дыхание соприродны и единит их язык, помогающий
лгать, подсовывающий приблизительные аналоги того,
чему аналогов нет и быть не может.

*Только море не опишешь
И словами не запрёшь.
Разве только что надышишь,
Но не больше, чем соврёшь.*

В чем же истина? В том, что каждый день, каждый час
и каждую минуту на земле рождается женщина, в том,
что она живёт “в шёпотах прожилок, в чопорном чаду,
с рокотом ложбинок, с локоном в меду”, в том, что жен-
щина вообще и всегда – судьба высокая, но мало у кого
находится столько любовной правды, чтобы признаться
в этом.

Отчего Лавочкина соблазнительна? Оттого, что соб-
лазняет любовью. Первая и сама, стихами соблазняет лю-
бить её за них – своего мужа, своих детей, своих друзей,
и так далее, шире, кругами, рукавами спирали – людей
страны и языка, мир. Вы спрашивали про сущность русс-
кого космизма? Мы уже ответили вам на этот вопрос.

Иные пусть пробуют по-другому, она может – так.
Может – значит должна:

*Да будет лето...
А это значит,
Что будет смета
Душа иначе.*

Иначе – и по-другому. Как угодно: как вывернется
сустав, как повлечёт неугомонная пляска. В Лавочкиной
потому “радости на целую жуть”, что их тождество (чи-
тайте, читайте классику от Достоевского до Шукшина)
есть суть национального характера, и что уж тут хаять
Москву или Дикую Тундру – все, все одинакие, если
смотреть в глубь вещей.

Ибо сказано:

*Я не вмещаюсь в камеру сонета.
Я не вмещаюсь в камеру словес:
Я нечто не словесного порядка.*

Вот безбрежность! Вот школа мужества, вот школа любви. Вот любовь, вот гимн бытию. Та женщина, что воинствует за любовь, свернёт горы и засадит землю садами.

Корень и суть соблазнения – обнажение. Так, стихи есть полное и безусловное, великое обнажение человеческого духа, вселенский праздник, который должно отпраздновать с той же силой и страстью, с которой каждый живущий с детства принимает к материнской груди земли, отцовским рукам созидания.

Стихи – гимн бытию, которое есть всепроникающая и неотменимая любовь.

Потому что

*И не во что рядиться,
И обнажён любой.
И вечно нечто длится
По имени любовь.*

Да, именно поэтому.

Сергей Арутюнов,
поэт, преподаватель Литературного института
им. А.М. Горького, Москва.

Самолётная молитва

Самолётная молитва

Мы дёргаем небо за нити,
Мы сплошь из ветрил и руля,
Но нас всё равно примагнитит
Смешная простая земля.

Но каждый напыщен и взмылен,
И жизнь именует судьбой.
О, Господи, где мои крылья?!
Мой дом где-то рядом с тобой...

Но мне эта участь не светит.
И я непременно вернусь,
Туда, где грустят мои дети
И машет берёзами Русь.

Туда, где ухабы да хатки,
Туда, где трава да дрова,
Где сплошь – сырьевые придатки
И глухо-бездонны слова.

Почто я из боли и пыли,
И гадов мне глянец и лоск?
О, Господи, где мои крылья?!
Одни только перья да воск...

Одна только милость да жалость,
Которую в землю пролью.
О, Господи, что мне осталось,
Когда я так сильно люблю?

Из московского "рая"
Уезжаю, и пусть
Серо-буро-родная
Открывается Русь.

Загрущу и загину,
Но умом не пойму...
О, немая махина,
Дай тебя обниму.

Лишь сырые занозы
У тебя в кулаке,
Но курлычут берёзы
На лесном языке.

И клокочет и гычет
Рыба-кит на реке
На родном, на привычном,
На речном языке.

Здесь любая корова
Велика на века,
Выплавляется слово
Из её молока.

Всё пронизано песней,
Словно буквы в строке
На живом, на уместном,
На моём языке.

2007 г.

Поезд в Сибири

Поезд злой и замызганный
Собирался взлететь,
Горизонты нанизывать,
Грозно песни хрипеть.
Чтоб сжимался и плавился
Поднебесный пустырь...
Но бездонна, безжалостна,
Беспризорна Сибирь.

Заманила, зажала, зажала,
Закрутила в кольцо
Да дождинками ржавыми
Заплевала лицо.

Здесь берёзы с косицами,
Горизонт тетивой,
Здесь приходится биться
О простор головой.

Громять окаянством,
Спотыкаться о пни.
Здесь сжирает пространство
Наши хрупкие дни.

Ветер крыльями грохает,
Чтоб пониже пригнуть...
Как же поезду-крохотке
Ветру в очи взглянуть?

Поезд злой и замызганный
Из ладони лакал,
И юлил, и заискивал,
И терпеть привыкал.

А Сибирь не кончается
Никогда-никогда.
Могут даже отчаяться
Поезда, поезда.

2004 г.

Из России привезите ...

Не корыстное открытье –
Вскрытые часы ...
Из России привезите
Россыпи росы.

Из России, из Российской,
Из родной страны,
Не везите нам резинки
В новые штаны.

Привезите нам баранки,
Ветер и грачей,
Привезите нам саранки,
Уголь из печей.

Привезите нам душинки,
Души и душки.
Привезите нам в корзинке
Ваши корешки!

Привезите ваше детство,
Ваш весёлый мир.
И куда же нам подеться
Из своих квартир?

Никуда нам не укрыться,
Некуда бежать!..
Ах, Россия! Ах, царица!
Ах, родная мать!

1993 г.

★ ★ ★

Пусть ложится тоской бессонница
На холодные слёзы рек.
А за нею на землю гонится
Безнадёжно безбожный снег.

И озябли гудки за далями.
Не узнать бы мне их печаль.
Ледяными звенеть медалями
И весной любить февраль.

1990 г.

Мельница

Что я? Мельница-безделица...
Всё молчу да молочу,
И покуда сердце вертится –
В небо крыльями стучу.

Семя месится да бесится,
Время льётся, как кисель,
Но стоит да в небо крестится
Ветряная карусель.

Я на поле, как на паперти,
Да на воле, как в плену.
Знать, от горя корень памяти
Просочился в глубину.

Я, мой милый, не поленица,
Перемелется недуг...
Без корней любая мельница –
Просто с крыльями сундук.

Без корней любое деревце –
Для безногого протез.
Без корней любая девица –
Просто дура без чудес.

Ох, не бряцать в поле грацией –
На ветрах дрожу соплём.
Я – простуженная станция
Между небом и землёй.

Не звенит с небес экзотика,
А ругается гроза.
Что же дети – донкихотики
Тычут пальцами в глаза?

Что же пенятся под латами?
Лупят лошадь по плечу?
Я вон – мельница крылатая,
Да и то не полечу.

Все мы песнями беременны...
Вам, друзья, не буду врать.
Одного мы роду-племени,
Вместе нам и умирать.

Я ведь мельница-безделица,
Что хочу, то молочу...
И покуда сердце вертится,
В небо крыльями стучу.

1997 г.

★ ★ ★

Моя Россия в полном лете,
Коротком, кротком, без затей...
Но бодрым шагом ходят дети
Вдоль раскуроченных путей.

И каждый крохотный цветочек
Расправил грозный кулачок.
И каждый утлый закуточек
Поёт и славит свой сверчок.

2006 г.

★ ★ ★

Дерева, да заблудшие хижины,
Да весенних сугробов омлет.
Да волчище зубищами рыжими
Восхищённо защёлкает вслед.

А в вагоне любители Родины,
Любят то, что любить довелось.
И под ними грохочет мелодия
Работающих железных колёс.

Нам неделю пылиться и маяться,
И ночами читать небеса...
Но Россия прилежно вливается
В ненасытные наши глаза.

И просторами учит покорности,
И прощенью своей простотой.
Но летают любители скорости
Над безбрежной её правотой.

2007 г.

★ ★ ★

Нужен дух пионерский,
Чтобы чуять страну,
Чтобы мерзко, по-зверски
Хохотать на луну.

И никак не стреножить
Вековую юдоль,
Лишь совсем обезбожить
Эту дикую голь.

Так от боли катает,
Что рычат мужики,
Бабы косы мотая
На свои кулаки.

И такая подлюга
Выскребает леса,
И такая жизньюга
Бережит небеса,

И воняет обманом,
И от боли трясёт...
Ой, куда же нас, мама
Дорогая, несёт?!

2007 г.

Не знаю, чем мы живы
Средь кладбищ и лесов
И что сплетает жилы
Туннелей и мостов.

И ноги наши движет,
И строки проводов,
И вдоль дороги нижеет
Скорлупки городов.

В которых воздух едок
А сроки коротки,
Где любо нам о клетки
Размазывать плевки.

Но этот мир намолен.
В нём столько не сбылось!
Он нашей липкой солью
Пропитан весь, насквозь.

Он место обитанья
Путей и скоростей.
Он принял очертанья
Забывших нас детей.

Земля весной наволгла,
Мир молод и рогат
Лакает из осколков
Свинцовый суррогат.

2008 г.

Я беспечный ребёнок.
Я у всех на виду
По Москве по влюблённой
В бесконечность иду.

Вижу трассы и храмы,
И мерцание лиц.
Слышу страстные гаммы
Космодромов и птиц.

Здесь весёлые травы,
И суровый гранит,
И Добрыня трёхглавый
Улыбаясь стоит.

Ведь легко улыбаться,
Если каждый красив.
Наконец-то нам, братцы,
Хорошо на Руси!

2008 г.

Первый сонет

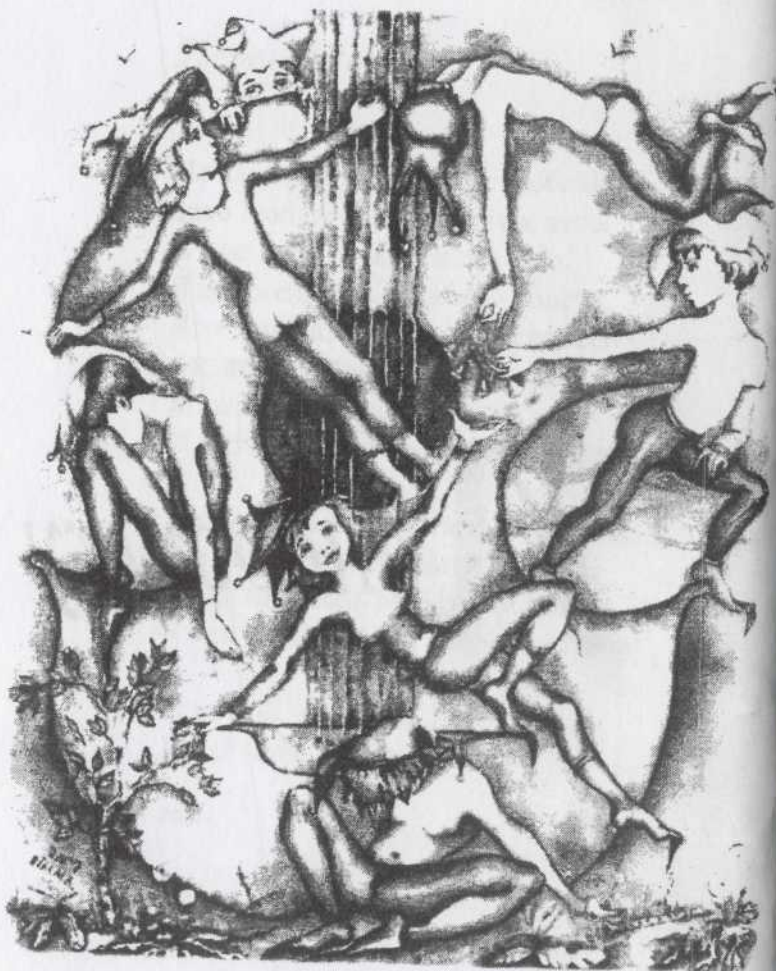
Не камерна. И камер не люблю.
Зато люблю ветра, траву и лето.
Я всю себя развею и пролью...
Я не вмещаюсь в камеру сонета.
Я не вмещаюсь в камеру словес:
Ах, до чего бесхитростны рассветы!
Я целиком из неба и чудес,
И нет во мне ни позы, ни сюжета.

Я вечность из пульсаций и тонов.
Я нечто не словесного порядка.
Я вся насквозь из дочек и сынов.
Я вся из вас! И нет во мне остатка!

И нет во мне меня. Но я стою,
И всё пою, пою, пою, пою!

2006 г.

Понарошку

Петрушкин

Как родился, так в глазах облака...
Оттого и белый свет набекрень.
Оборотится струною тоска,
Да берёзой оборотится пень.

Хорошо тому куплеты слагать,
Кто родился со звездой во лбу.
Кто – не во поле берёзу ломать,
А поклонится любому столбу.

Хочешь, милая, бери как оброк.
Твоё горе, зло и счастье во мне.
Как засею полыньёй огород,
Прокачу тебя верхом на свинье.

Да Петрушкою на руку надень.
Во мне пороку на целую рать –
Ах, как буду я для добрых людей
Кочевряться да в морду плевать!

Да как выйду “тентель-вентель” плясать,
Да как ноги до небес развяжу...

Разойдись, народ, за все полюса!
Во мне радости на целую жуть!

Оттого ли, что родился нагой,
Колокольницей в Петрушку зашит,
Лупит песня в колоколец ногой,
А пролупится – из горла першит.

Как родился, так в глазах облака,
Да чего-то там стучит в бубенце...
Хорошо тому куплеты слагать,
У кого есть продолжение в конце!

1999 г.

Пиратский шансон

Пируй, пиратское отродье!
Царуй ножом и кутежом,
Покуда зол и преисподен,
Коряв, курчав и напряжён.

С тех пор, как песню отрубили,
Я брызжу липкою слюной
И чую мраморные крылья
Своей взъерошенной спиной.

Живу свирепо-парусато,
Обрубок песни не болит...
И только чувственное золото
Её ошметки шевелит.

И даже женщины, порою
Со мной вступающие в спор,
Едва ль найдут во мне героя –
Недолог с ними разговор:

– Пардон, мадам, не стоит охать,
Вам впору рассыпаться в прах,

Гудит бушующая похоть
В скрипучих кожаных штанах.

Мадам, оставьте ваши штучки...
Я видел их, мне много лет.
Я болен страстною трясучкой,
Когда сжимаю ваш букет.

Бонжур, мадам, не надо плакать –
На полчаса, но вы жена.
Мне суждено вас мять и лапать,
И рвать на юбках кружева.

2008 г.

Русалка

Это озеро я наплакала,
Из тоски моей этот плёс.
Я живу с сомами и раками
И хвостом виляю, как пёс.

Я живу изгоем и жупелом,
Водяною Бабой-ягой.
Я пугаю рыбьими струпьями
И бесстыжей грудью нагой.

Люди говорят, что проклятая,
Что живу, ярма не надев,
Ворожу зелёными патлами
И хватаю за ноги дев.

Не бывать мне белой невестою,
Не носить в утробе детей.
Горький омут нянчить да пестовать,
Да любить поганых чертей.

Но ярится солнце зелёное,
Только гладь хвостом поморочь,
Бархатным крылом махаоновым
Укрывает тёплая ночь.

Звёзды вниз сигают и пенятся,
Полон мир желанных затей.
Небо над седым полумесяцем
Всё в подтёках млечных путей.

Звёзды мне на голову капают,
Но едва прорвётся покров,
Выйдет утро сонными лапами
По щекам хлестать комаров.

Под ветрами сохнут окатыши,
Тополиный носится дух,
Дышат ладом тонкие ландыши,
И лягушки думают вслух.

Полыхают страстью сараночки...
До чего ж их кровь горяча!
Скачет лето пёстрой цыганочкой,
– Ча-ча-ча! – сверчит саранча...

2008 г.

Шутка

Живу под Богом, но понарошку,
Как все простые слоны и кошки.

Живу под Богом, как божья долька,
Не сомневаясь в себе нисколько.

Коровка божья, и та ни разу
Не покидала Его запазух..

А я чего же? А я куда же?
Ведь я ни тоже... ведь я ни даже...

Я прост... – О, Боже!.. Я просто Римма.
Я просто тоже имею имя.

И это имя – мой вечный остров.
И быть моими совсем не просто.

Совсем не просто, да что в том толку?..
Подайте посох да треуголку,
Мешок вопросов, да в путь-дорогу...
Прощай, мой остров, я в гости к Богу!

2003 г.

☆☆☆

Не зуди, моя подруга,
Далеко ещё бежать.
Был бы дом, а в доме угол,
Да в углу детей рожать.

Напридумаю заботу,
Напридумаю причин,
Напридумаю зевоту,
Напридумаю морщин.

Напридуманную радость
Ни обнюхать ни обнять.
На придуманную гадость
Самому себе пенять.

А чего ещё и надо?
Перепашем пустыри...
А отрада да награда
Кашей булькают внутри.

А когда нам станет страшно
От наличия голов,

Перемножим нашу кашу
На количество углов.

Перемножим, перемажем,
Перевоем, переждём...
И тогда нам станет важен
Каждый зонтик под дождём.

Что ни ложка, то к обеду... –
Ничего важнее нет!
Непреложна та победа,
Что подходит под ответ.

И ответ мне будет другом.
От ответа не сбежать...
Вот бы дом, а в доме угол.
А в углу детей рожать.

1998 г.

Арлекин

Я ничем не обеспечен,
Я беспечен, как трава,
Как улитка – дом на плечи,
Как калитка – голова.

Каждый шорох мой пропитан
Жаркой патокой калин,
Из груди орёт коррида,
Сам я – голый арлекин.

Я с царями не венчался,
Не пришла моя пора.
И поклонам обучался
У голодного костра.

Знай таблицу униженья,
Коли руки не в рубле.
Я всего лишь отраженье
Белой птицы на земле.

Что ещё? Луна да шляпа...
Да у ног сопит страна.
Вижу, кличет курьей лапой
Что ни ведьма, то жена.

Ой, постой, душа-колечко...
И куда тебя несло?
В ведьме каркает сердечко,
Как байдаркино весло.

Эти юбки, эти шали...
Ай да пёстрая струя!
Помнишь, милая, как звали?
Был и не был, я не я.

Ведь, как ты, смешной и пёстрый,
Я и сам топлю концы,
Я и сам нарву коросты
И сосу, как леденцы.

У меня – одни пороги.
Ни берлоги, ни рубля.
Так держись за курьи ноги...
Благо, круглая земля.

Я ничем не обеспечен,
Я беспечен, как трава,
Как улитка – дом на плечи,
Как калитка – голова.

1997 г.

Шапка-невидимка

Мне пошли, судьба, хоть облезлую,
Затрапезную, но пошли!..
Невидимку – шапку полезную,
За любую шкуру с души.

Невидимкой хожу на цыпочках,
Не увидите, ха-ха-ха,
Притулилась моя улыбочка
К напряжённой душе стиха.

Я послушать пришла, как музыку,
Ваши вздохи и ваши крики...
Ваши песни – мои союзники,
Ваши слёзы – мои улики.

Вашу ругань и ваши шутки,
Скрип кровати и запах тела...
Не была б невидимкой жуткой –
Я б давно от стыда сгорела.

Я хочу вас увидеть разных.
Мне так мало дверей и окон.
Где мне взять вас, простых и праздных?
А без вас мне – так одиноко.

1988 г.

* * *

Ни к чему мне ваши дверки,
Ваши мерки для систем...
Растопырки, раскаверки,
Распиалки на кресте.

Мне не важно, что за дверцей...
Мне не важно кто – кого...
Уберите ваше сердце,
Мне хватает своего.
Ах, я с вами не играю!
Вот и все мои права.
Ах, я с вами умираю,
А без вас ещё жива.

И не важно, что я значу...
Белый свет ужасно прост.
Но давно хожу и плачу
Без ответа на вопрос.

1999 г.

Зелёный и гремучий
Суставами стучит,
Пронизывая тучи,
Туманы и лучи,

Канатики дороги,
И ломтики жилищ,
И рощицы убогих
Голубеньких кладбищ...

Но нет ему отрады.
И он со всеми врозь,
И никуда не надо,
А просто так, – насквозь.

Ему одна дорога,
И, сколько ни свисти,
Из этого острога
На волю не уйти.

Вокруг дурит свобода,
Ликует: – Воспари!
Давай, с моста и в воду,
И всю меня бери!

Взломай свою машину!
Но, сколько б ни звалось,
Ему пронзает спину
Пути стальная ось.

2007 г.

Позови меня! Призови! Приблизь!
Я давно во тьме трепещу звездой.
Что звезда? Одна голубая слизь...
Да литое сердце звенит слюдой.

Я хочу на землю! – Земля – жива!
У неё в груди голосит огонь.
И цветут стихи, и растёт трава,
И в кривых ложбинках её ладонь,

Что легко разжать, и к губам прижать, –
(И совсем забыть о своей цене),
На ветрах дрожать, и детей рожать,
И ходить пешком по своей стране.

Так легко слететь со своих высот
И скатиться кубарем до корней...
Но держусь надменных своих красот,
Неизменен росчерк моих бровей!

2005 г.

Думка

Ах, откуда мы, откуда?
Ах, откуда да куда?
Мокнет грязная посуда...
Сохнет чистая вода...

То в карете, то в корыте,
То в корысти, то в чести...
Ах, Властитель, подарите,
Что в горстях не унести.

Не для чашки, не для брошки,
Не для дальнего пути.
Это "что-то" понарошку –
Что в горстях не унести.

Не обнюхать, не измерить,
Не изведать, не понять.
А поверить – не проверить,
Лишь деревья обнимать.

Да дышать весёлым светом,
Да глядеться в зеркала,
Потому что, "что-то" это
Я в горстях не унесла.

Но по логике окружной
Ни к чему оно в горсти...
Отчего же "что-то" нужно
Нам куда-нибудь нести?

Ах, куда мы да откуда?
Всё оттуда да туда...
Мокнет грязная посуда...
Сохнет чистая вода...

1998 г.

★ ★ ★

Я одрях, я бороною оброс,
Я – Адам, я самый бедный еврей.
У меня один бездонный вопрос
И орава молодых сыновей.

Всё им чудится, что счастье в горсти,
Всё им, мнится, состоит из чудес,
Всё им хочется с собой унести...
Но снегами сыплет манна с небес.

Но всё просто повелось испокон.
Всё здесь золото, что ярко блестит.
Всё здесь песенка – и хохот, и стон.
Всё от Бога, что по небу летит.

2008 г.

Муравьишка

Чтоб никогда не видеть более
За плотью – тень, за тенью – суть,
Я – муравьишка, злой и голенький,
Желаю лапки протянуть.

Чтоб не болела не занозила...
Ой-ёй, лети, моя душа!
Меня бы солнце приморозило,
Во мне бы ветер задышал.

Но мне ещё с собою мыкаться,
Да светом заливать глаза,
Да босым носом в небо тыкаться,
Да понимать, что так нельзя.

Но всё кипит в моей скорлупоньке
Смесь из вопросов и мокрот,
А я всё тот же злой и глупенький,
И муравьишка, и народ.

Какие страсти да начальники?
Какая ересь или спесь?
Когда я просто злой и маленький
И сам не знаю, кто я есть.

2000 г.

★ ★ ★

Я знаю, что не струшу,
Ведь под Тобой хожу...
Зачем я эту сушу
Опять в себе ношу?

Нет ни воды, ни неба,
Ни времени, ни сил.
Есть только эта небыль,
Что ты в меня вместил.

Одно досталось право –
Молиться и мечтать.
Отрада и отрава
Вся эта благодать.

Но всё же дышит, дышит...
Куда её? Куда?!
Она важней и выше,
Чем воздух и вода.

Она вольней и проще,
И всё в себе несёт,
И попусту не ропщет...
А есть она, и всё!

2008 г.

Клейзмир

Клейзмир*

Скован мой мозг деревянной уздечкой,
Дышит на свечи древняя речь,
И не отречься ни от словечка...
И не отречься, и не сберечь.

Я из местечка с именем Вейзмир,
Где под крылечком липкая течь.
Где даже печка стонет, как клейзмир,
Где не отречься и не сберечь.

Я в эту песню бедную верю,
В беглую песню в визгах пурги.
Ах, как я песню эту согрею,
Выручив скрипку за сапоги.

Так вот и буду – босым да плясом,
Чарам сверчальным всё нипочём.
Я из отчаянья, крови да мяса,
Да девочка-срипка дышит в плечо.

Как эта девочка выла метелью!
Как оголтелью билась в дома!
Да закрутила мир каруселью,
Да параллели переплела.

* Клейзмир – музыкант (евр.).

Пусть этой девочкой весь я изверчен,
Весь изувечен верностью, пусть,
Только бы вечно в ветреный вечер
С неба выдаивать сизую грусть.

Чтобы слезою сердце кололо,
Чтобы лозою в небо лилось,
Чтобы поспело первым глаголом,
Чтобы болело, чтобы сбылось!

Счастье еврея – штрудель да штрэймэлэ,*
Я же другою страстью кручён...
Песни, да пейсы, да скрипочка-мэйдэлэ*
Клонит головку мне на плечо.

Скован мой мозг деревянной уздечкой,
Дышит на свечи древняя речь,
И не отречься ни от словечка...
И не отречься, чтобы сберечь.

1998 г.

* Штрэймэлэ – ритуальная шапка (евр.).

* Мэйдэлэ – девочка (евр.).

Песня моего деда Абрама Кизера

Блуждает по тропинкам
Израильских лесов
Сбежавшая улыбка
У раввина с усов.

И был тот милый раввин
Замешен на воде,
Молитвами изранен,
С кошерным в бороде,

И с пейсами, и с перцем,
И первый из "мессий",
И зрел под резвым сердцем
Весёлый апельсин.

Пузатый от порока,
Болтливый от былин,
Обременённый соком
Израильских долин.

Где падают с деревьев
Тяжёлые шары,
Беременные временем
Оранжевой жары.

Но мы не этих лакомых
Залаканных раёв...
Мы из других, заплаканных,
Залатанных краёв.

Мы не из вашей лени!
Нам затыкали рты
Колючие колени
Сибирской правоты.

Ведь мы седое племя,
Зажатое в золе...
Ах, как бы мы замлели
На ласковой земле...

Ах, раввин, милый раввин,
Как хорошо, что ты
Любому в мире равен
Из нашей немоты!

Ох, как бы нам согреться?
Вернувшись из России...
И чтобы рос из сердца
Весёлый апельсин.

Израиль

Вот каков он, колючий,
Размалёванный край.
Громким солнцем наглючим
Мой зарёванный рай.

Мой заклёванный птенчик,
Мой забитый восторг,
Из перчёных местечек
Твой кручёный Восток.

Он и продан, и тесен,
В нём и радость, и злость,
В нём Давидовых песен
Кучерявая гроздь.

Он жалея зажалит,
Он до одури сжат,
В нём осколки скрижалей
Под ногами визжат.

В нём дороги, как стервы,
Раскорячили страсть,
Каждый жаждет, как первый,
К ним губами припасть.

2000 г.

Хайфа

Этот город нарезан, нанизан, прострочен
В лоскуты, завиточки, кусочки, плевки...
Он в горящую плоть облачается к ночи,
Собираются в стаи его закутки.

Этот карточный город по склону струится:
То ярится, то мнится, то падает ниц...
Всё летит и не может никак приземлиться,
И никак отрезвиться до прозы столиц.

2006 г.

Панегирик Израиллю

Ты из райского лада,
Пусть живу я не здесь...
Но как рада я, рада,
Что ты, маленький, есть.

Что пресыщен и мёдом,
И парным молоком,
Но не выдоишь воду
Из твоих облаков.

Что и горд, и свободен,
Пуп Земли и начал...
Среди множества Родин
Мой последний причал.

И моё пепелище –
Это целый народ,
Тот, что слова не сыщет –
Болью в небо орёт...

А на небе, на небе,
И во мне, и вокруг –
Наш единственный Ребе
И единственный Друг.

2006 г.

Ева

Ева

У песенного месива,
У рая на краю,
Сидели, ноги свесив
В залётную струю.

Невинна и невятна,
Смешлива и кругла...
Как солнечные пятна,
Грудей колокола.

Несметна и не смята,
Не предана следам.
А рядом – непонятный,
Неведомый Адам.

Безликий и безгласый,
Невежа и левша.
Он из души и мяса...
Он думал и дышал.

Вращало по лекалу,
Вещало и влекло...
С небес на них стекало
Грудное молоко.

★ ★ ★

Я – женщина! Я женщина.
Во мне темнеет плод.
Сочатся ветром трещины
Во мне, и над, и под.

Бурлят во мне исходины,
Твердят: "Пора... Пора ..."
Живот мой – моя Родина
– Синайская гора.

Цвети, моё смятение,
Твори на все лады
Моё приобретение
Из света и воды.

Серьёзно и нагруженно
Меня века сосут ...
Я круглый и напряженный
Ласкающий сосуд.

Кислят в глазах смородины,
Но рвётся сквозь тиски
Синай мой – моя Родина
Из неги и тоски.

2001 г.

★ ★ ★

Обрела, что хотела,
И достигла вершин.
И звенит моё тело –
Азиатский кувшин.

И звенит, словно небыль...
И была – не была...
Опускается небо
На мои купола.

А внутри меня трепет,
А из трещин река.
А в груди моей лепет –
Тёплый зов молока.

В глубине меня млеет
И царит и живёт
И как песня круглеет
Осторожный живот.

2001 г.

☆☆☆

Лишь бы плакали звёзды,
И смеялась трава,
И качали бы гнёзда
На плечах дерева.

А трухлявые стены
Рассыпались бы в тлен,
Лишь бы царство растений
Подымалось с колен.

И лозою зелёной
Вознеслось к небесам,
Лишь бы солнце влюблённых
Целовало в глаза.

И от страсти качало
Молодые тела,
И кукушка кричала,
И ромашка цвела...

2007 г.

★ ★ ★

Что ни утро, то песенка влажная,
Что ни вечер, то лесенка грёз.
Так и старится девочка каждая,
Не заметив, что это всерьёз.

Отгорело сухое пророчество,
Да пробуждало в люльке дитя...
Да поспело в саду одиночество,
Да запуталась птаха в сетях.

Да лягушки хрипели и плакали...
А потом – налетели снега.
Застучала холодною лапою
По окошкам слепая пурга.

Да берёзу спилили под зодчество,
Да ребёнок до неба дорос...
Только детство никак не закончится.
И не верит, что это всерьёз.

1998 г.

Сказка про сына

И покуда я на печке
Ела пирожки,
Заплелись в моём сердечке
Сына корешки.

И покуда я решала,
Кто же я сама,
Мои плечи обряжала
Песня да сума.

Вся в слезах, да при народе...
– Так что не взыщи,
Во саду ли в огороде
Первенца ищи.

На подоле спело хрустну,
Охну да рожу...
Да младенца в лист капустный
Принцем наряжу.

В путь за птицей-небылицей,
Да опять во рву...

Всё я маленькому принцу
Про него навру.

Всё – от присказки до сказки
Я наворю: “Здравствуй,
Месяц мой прекрасный!” –
Первенцу скажу,

Что и впрямь я – царь-девица –
Божия раба...
Только б принцу не свалиться
С моего горба.

1998 г.

Ворожба

Спит скрипучая криница
У меня в зобу.
Я, сударыня синица,
Верю в ворожбу.

То мерещится, то мнится,
То беды полна
Из груди моей струится
Талая луна.

Ах ты, стынь – зима – дикарка,
Сердце остуди!
Нынче сердцу очень жарко
У меня в груди.

Сыпьте, ветры-пилигримы
Снега в закрома,
Потому что будет длинной
Лютая зима.

В небе каменно да колко,
Да ультрамарин ...

Раздарил себя по долькам
Лунный мандарин.

Войте, вьюги-иноверцы,
Пойте у виска!
У меня в голодном сердце
Сытая тоска.

Ах, сударыня синица,
В небо не зови.
Я сама себе гробница
Без его любви.

1999 г.

★ ★ ★

Вы слышали, повенчана
Молодая берёза,
Достающая венчиком
До фонарного носа?

Он – бетонное чучело,
Но сверкает нелепо,
Темнота нахлобучила
Его вечное лето.

А берёза качается
В звёздах снежного дара,
И из них получается
Очень нежная пара.

Я стою неприкаянно,
Носом в снежную марь...
На какой ты окраине,
Мой высокий фонарь?

1990 г.

★ ★ ★

И были длинными руки,
И были тёмными плечи,
И были сладкими муки,
И были тихими речи.

Твоё вливалось серьёзно
В меня, как долгая песня...
И в теле жалкое “поздно”
Ласкалось с трепетным “если”.

1990 г.

☆☆☆

И я тебя прошу –
Так нежностью не вей...
Ведь я уже дрожу
От близости твоей...

Ведь я уже волна...
Пусти, мой добрый страж!
Ведь я уже полна
Всем тем, что ты мне дашь!..

1990 г.

Ветер – это такая птица,
 Не гнездится среди песков,
 И летит молока напиться
 Из криницы моих сосков.

А я голая, а я дикая,
 Ни конца, ни начала нет.
 Я измазана земляникою,
 Я саранка в расцвете лет.

1992 г.

Мнёт напрасная досада
 Губы глупые твои.
 Я не та, с кем знаться надо,
 Я слоняюсь по любви.

Влажны губы, как окошко.
 Поцелую – загляну.
 И картошка без одёжки
 Так похожа на луну.

Я ведь, мальчик, дева-птица,
 Спелой грудью да в росу.
 Разве может пригодиться
 То, что в клюве принесу?

1993 г.

Танцующий Маугли

За кочующим заревом
Облечу с тополей.
Есть танцующий Маугли
Среди русских полей.

Мой коричневый мальчик,
Среди белых берёз.
Плачет дождик-палачик,
Так уж здесь повелось.

Здесь рождаются Маугли
Из горячих углей.
Пьёт костровое зарево
Песни русских полей.

Значит руки – до солнца,
Значит ноги – в траве...
Льются чёрные кольца
По его голове.

1992 г.

★ ★ ★

Расплелась моя нежность,
Как тугая коса.
Я любую безбрежность
Узнаю по глазам.

Так и не было счастья,
И про счастье не лги.
До чего же у страсти
Небеса велики...

1999 г.

Тётя

Спит наука-старичок в переплёте
И стесняется раскачивать полку.
И отчаянно-очкастая тётя
Будет долго к ней заглядывать в щёлку.

Тёти груди под кофтёнкой созрели,
Скоро сбросятся, как спелые груши...
Но она их утрамбует на теле,
А потом на сухофрукты засушит.

1992 г.

★ ★ ★

Если русая русалка
Позапуталась в трусах,
Разменяй их, коль не жалко,
На цветные паруса.

1992 г.

Притворищица

Притворюсь-ка я дурочкой:
Ах, я клёкот, да взлёт...
Да в любом переулочке
Есть мой птичий помёт.

Бьюсь нелепою птахою
В твою тёплую грудь:
– Ах, согрей под рубахою!
– Ах, скажи что-нибудь!

Видишь, перья топорщатся,
Видишь, тельце без сил...
Ах, какую притворищицу
Ты к груди притулил...

Да блудницу, да умницу,
Да лихое добро...
Притворюсь-ка я курицей,
Да к тебе под ребро.

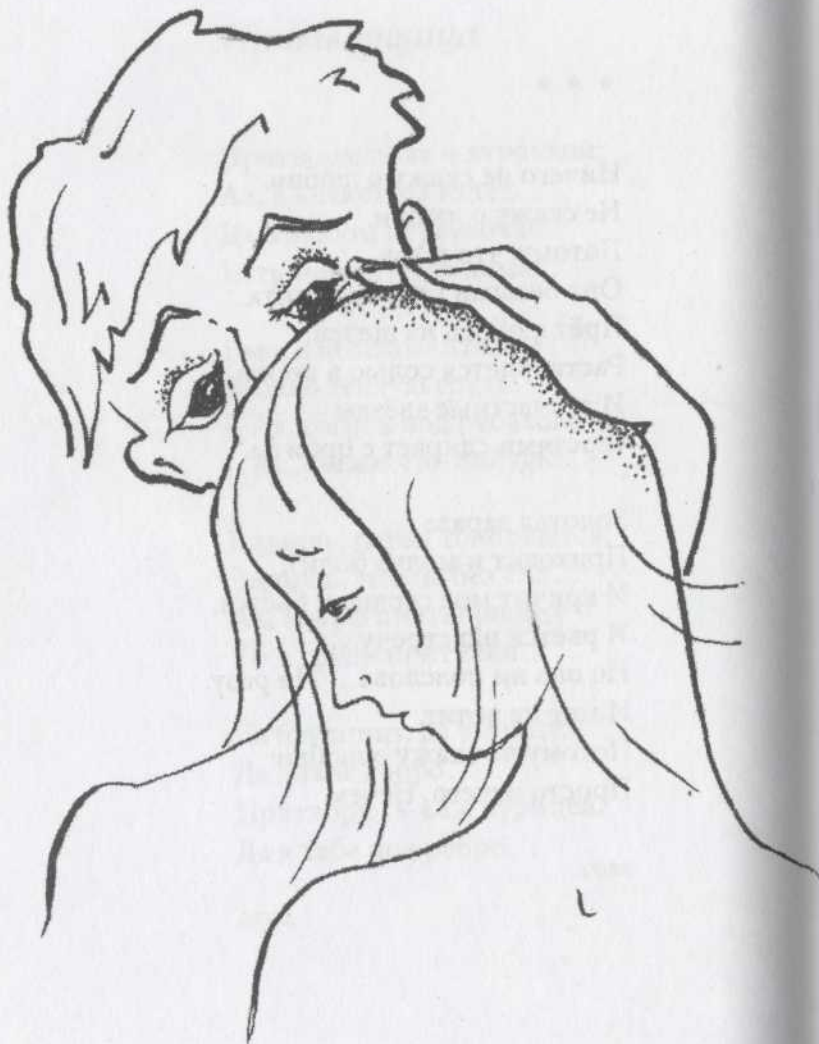
2000 г.

★ ★ ★

Ничего не скажу о любви.
Не скажу о любви.
Потому, что и так
Она белыми нитками шита.
Прёт любовь из щелей,
Растворяется солью в крови,
И несчастные звёзды
Горстями сдирает с орбиты.

Золотая зараза
Приходит и молча болит.
И кричит моё сердце и бьётся,
И рвётся навстречу...
Но она ни полслова... Ни разу.
И мне не велит.
Потому не скажу о любви:
Просто нечего. Нечем.

2008 г.

* * *

Наплетём слова,
Разведём метель...
На мои дрова
Ты огнём летел.

Да на всех ветрах...
Да на синий лес...
На твоих губах
Шелуха небес.

Разотру в руке...
Я люблю лепить...
Поутру к реке
Отнесу попить.

А потом, коснусь
И скажу: – Веди...
Оттого проснусь
На твоей груди.

Я себя ряжу
В перепутья рек.
Я тебе рожу –
Прошлогодний снег...

1994 г.

☆☆☆

Уходит сын любить девчонку.
Он принц без белого коня.
Калёной страстью припечённый,
Забыл про сон и про меня.

Уходит в ночь. Она бездонна,
Она хрупка, как благодать.
Ему сегодня будет троном
Её зелёная кровать.

И что ему мои тревоги,
Мои тугие пироги?
Когда вокруг свербят дороги
И в горле пышет зов тайги.

И мир без дна и без крыши,
И ни засовов, ни преград.
Пусть все медовые коврижки
Ему кричат: – Назад! Назад!

Но до чего ж она упряма,
Его взъерошенная страсть!
А я всего лишь только мама...
Не дай, Господь, ему упасть.

2003 г.

☆☆☆

В окнах забрезжит небыль,
Вот и пора летать.
Под безутешным небом
Снова тоску глотать.

Слушай, давай мириться!
Будь мне опять никем.
Видишь, я не синица
И не в твоей руке.

Видишь, я снова где-то,
Где-то и вся в слезах.
Вечное, злое лето
В добрых твоих глазах.

Вечные, злые травы...
Как ты безбожно прав!..
Стынет синиц орава
В чёрных когтях агав.

2000 г.

★ ★ ★

Боре

Да, вся я из капризов,
И вдрызги, и навзрыд!
Твоей любви огрызок
В моей душе зарыт.

Твоей любви бравада –
Коротенький карниз.
С него летать бы надо,
Да непременно вниз.

Раскладывать по полкам
Давно истлевший блеф.
В глазах твоих осколки
Всех снежных королев.

А я, такая дура,
Прозрачная до дна...
Зато любая шкура
На мне, как у слона.

Зато любая песня
Свистит как ветерок:
– Ах тесен мне, ах тесен
Твой ласковый мирок!

1999 г.

★ ★ ★

Я сильная, я смелая,
И я всего добьюсь!
Но ничего не делаю –
Я так тебя боюсь!

Боюсь тебя, вихрастого
Лихого звездуна.
Лобастого, горластого,
Родного, как страна.

Я вся в тебя завинчена,
Твоя, как дважды – два.
Сплошная безъязычина,
Покуда ты – слова.

Но жизнь моя на донышке,
А мир на волоске,
И все мои воробушки
Уже давно в руке.

Тоска моя горелая!..
Подохну, ну и пусть!..
Я сильная, я смелая,
Я так тебя боюсь!

2007 г.

* * *

Пускай любовь таится
И вслух не говорит,
А как лесная птица,
На цыпочках стоит.

Пока она прозрачна
И не подаст руки,
И на лице горячем
Проталин синяки.

Я знаю, ох, я знаю
Её притворный стыд,
Когда она нагая
Хохочет и вопит.

Пророчит и лютует,
И голосит строкой...
Унять её, дурную,
Нет мочи никакой.

2007 г.

* * *

Говоришь из Парижа?
О, прекрасный Париж!
Но смешно и бесстыже
Ты от страсти дуришь.

Не любовь, а несчастье... –
Эк тебя занесло!..
Это лютой напастью
Больно душу свело.

В нашем гулком запечье
Нет великих страстей...
В маете человечьей
Мы рожаем детей.

В наших диких берлогах
Нет ни окон, ни крыш.
Мы живём в недотрогах,
Нам не снится Париж.

И не будем мы ближе,
И руками не трожь.
Да в прекрасном Париже
Ты со мной пропадёшь.

2006 г.

Пугало

Так себя позапутала,
Что пора умирать.
Я – садовое пугало,
Перестало пугать.

Зажилась, замарашка,
Но стыди – не стыди,
Под дырявой рубашкой
Что-то ноет в груди.

Что-то тает и мается...
Всё рыдаю в подол.
От земли отрывается
Мой осиновый кол.

Выдыхаю мелодию
И руками сучу...
Да куда ж, я – уродина?
Я же просто шучу.

2007 г.

О, золотая Афродита,
Простите мне мой ветхий дым.
Плачу за луны и ланиты
Надменным именем своим.

Я холодна. Я безупречна.
Вживаюсь в лабиринт морщин.
– Прощайте, звонкая беспечность
И легион моих мужчин.

О Боже, как я их любила!
Во все свои колокола!
Я никому не изменила,
А просто всех их отдала.

Я говорила: – Мне не надо
Ни слёз, ни счастья, ни фаты.
Я только страстная отрада,
Я просто родом из воды.

Я говорила: – Будь что будет!
Цвела и пахла, как сирень.
Теперь я соткана из судеб
Немых растерянных сирен.

2008 г.

Тале

Мне давно смешны кружева
И словес, и прочих затей.
Мне даны простые права
Нарожать лобастых детей.

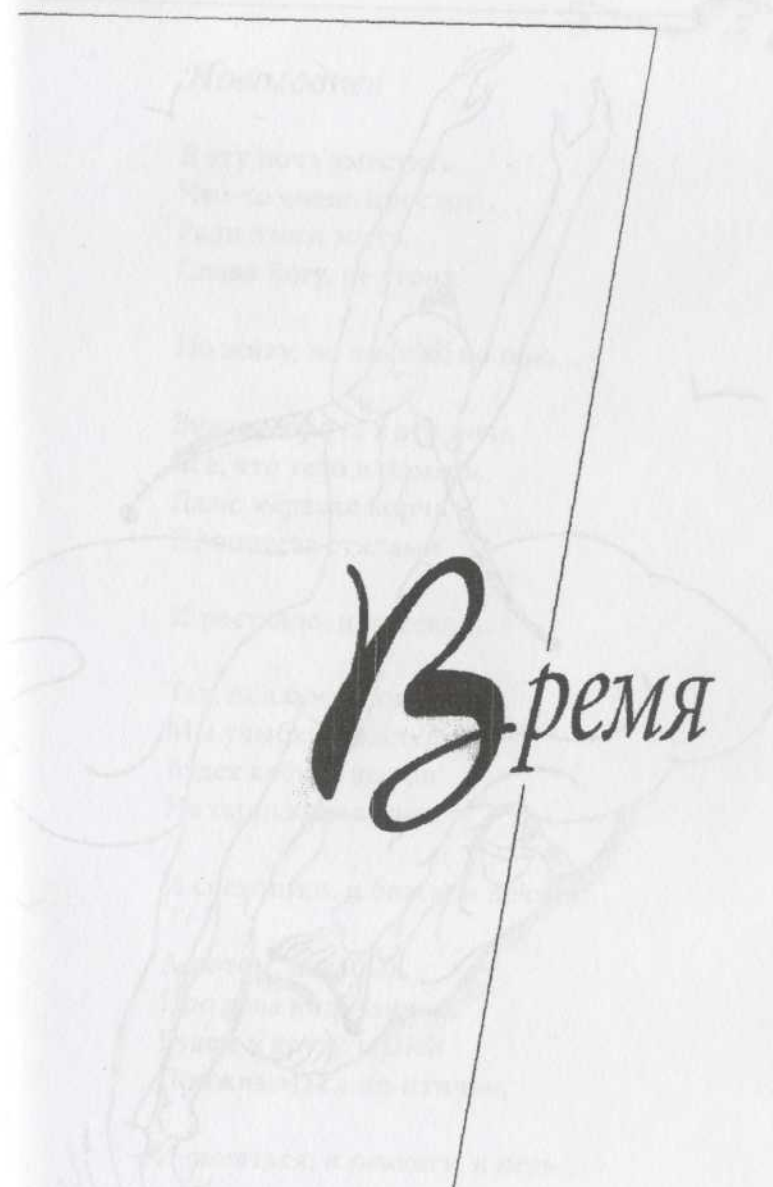
В рот совать им сладкий сосок,
Целовать их в попу и в нос,
И дышать на пряный висок,
И пускать мечты под откос.

В небесах моя голова,
Потому не нужно причин...
Мне даны шальные права
Обнимать любимых мужчин.

И не нужно мне ни рожна,
Я любое сердце спалю, –
Никакая я не жена,
Ежели совсем не люблю.

Можешь переставить слова
Или можешь вовсе забыть...
Мне даны такие права,
Что никак нельзя не любить.

2007 г.

Время

Новогоднее

В эту ночь уместить
Что-то очень простое...
Ради этого жить,
Слава Богу, не стоит.

Но живу, но люблю, но пою...

Значит, прочь в эту ночь
Всё, что тело и память.
Даже мёрзлая корч
Пропотела стихами.

И растаяло, и потекло...

Так, под бремя пиров
Мы улыбки подстелем.
Будет клёкот шаров
На гарцующих елях,

И снежинки, и блеск, и печаль...

А потом, позабыв
Про дела и приличья,
Будем к другу тесней
Прижиматься по-птичьи,

И смеяться, и плакать, и петь...

Потому как тесны
 Нам и души и перья,
 Мы давно у весны
 Потеряли доверье,

Но растаяли, и потекло...

Это время трубит
 Нам из райского ада.
 Это время грубит,
 И ответить бы надо,

Только кто мы, и что, и зачем?..

Так скорблю и топлю
 Это время в бокале,
 Пока ёлка стоит
 На своём пьедестале,

Но рыдает, и падает ниц...

2002 г.

★ ★ ★

Да будет лето...
 А это значит,
 Что будет спета
 Душа иначе.

Качнётся ересь
 На тонкой ножке,
 И я согреюсь
 В её ладошке.

Я буду квакать
 В лицо подружкам,
 Я буду плакать
 В плечо лягушкам.

А будет лето...
 Конечно будет.
 Оно из ветра
 И длинных буден.

Едва скользила,
 Слегка белела...
 Я еле зиму
 Преодолела.

Я скрежетала
Сухим листочком...
Я прижимала
Тугую почку.

Тугую почку –
Тугую память...
Чтоб тёплой ночью
Её расправить.

Но будет лето
Царить повсюду.
Я знаю это,
Ну а покуда

Терпи, не сетуй,
Сожмись в калачик,
И будет лето.
А это значит...

2003 г.

☆☆☆

Снова лето манит пальчиком
И сулит свои дары,
Превращая одуванчики
В придорожные шары.

Снова мир освистан птицами,
Снова ветер мерит даль,
Снова травы добролицы
Прободались сквозь асфальт.

Ай да умницы, травиночки!
– Как вас, милые, спасти?
До зелёной – до кровиночки
В бесконечность унести.

Летом станет небылицею
Всё оглохшее зимой.
Но сначала долго литься
Будут слёзы над землёй.

2005 г.

★ ★ ★

Стал мир простым и белым,
Смиренно стынет ель,
На небо отлетела
Витая акварель.

Остались лишь в набросках:
Пустая кутерьма,
Голодные берёзки,
Дощатые дома.

И либо закорючкой
Заглохни и зияй,
Либо уйди в дремучку
Лесного бытия,

Где сплетены из линий
И свет, и голоса,
И веток паутина,
И неба полоса.

2007 г.

★ ★ ★

По ночному царству
За поводырём,
Где горит бунтарство
Рыжим фонарём.

А под ним, под рыжим,
Распахнувши рты,
Сивой ночью дышат
Пышные цветы.

Пышные, до вздоха,
В листьях и тенях,
До переполоха
В жёлтых куполах.

В шёпотах прожилок,
В чопорном чаду,
С рокотом ложбинок,
С локоном в меду.

А чумные птицы
Выдувают синь
Прочь из безъяицых
Ветреных корзин.

1995 г.

Осень

Всё ворчит угасающим голосом
Беспризорный седой соловей.
Вьются трав перезревшие волосы,
Льются горькие муки корней.

И над миром живым и некошеным
Разыгралась протяжная жуть.
Машет ветер подолом поношенным,
И листва собирается в путь.

Небеса не обласканы ласточкой,
Раскорёжены розгами гроз,
Угасают лукавые лампочки
Завороженных сизых стрекоз.

И померкли леса, и сутулятся,
И себя оглушительно жаль.
Но по-прежнему хочется щуриться
На горящую в небе скрижаль.

2003 г.

Весна

Страна сквозь меня продирается.
А поезд по лесенке шпал
Идёт, как бычок, и качается...
А поезд неделю не спал.

На поле цветные каракули,
Деревни в грязи до бровей,
Прошедшую зиму оплакали
Дороги России моей.

Я всё здесь люблю и приветствую.
И лужи, и воздух лесной,
И это стихийное бедствие,
Которое кличут весной.

2007 г.

Лето, я твоё растеньице –
Свет и ветер в голове.
Вздохи ласковые пенятся
По нескошенной траве.

С неба тучка корчит рожицы.
Гордых птишек не унять,
Им от радости не может
Лето в клюве удержать.

У кукушек глазки карие,
На уме одни стишки,
Над полями реет зарево
Пьяной заspanной мошки.

Ивы драные, учёные
Накренились над рекой...
И над всем ненаречённый
Долгий, царственный покой.

2008 г.

Рыбок лёгкая стайка
Прилегла на ладонь,
Лижет пёструю гальку
Солнцебликий огонь.

Говорливая речка,
Мы с тобой заодно:
Подбираем словечки
Да швыряем на дно.

А потом из словечек
Народятся мальки.
Кучерявая речка,
Мы с тобой земляки.

Холодна да лучиста,
Расплелась на лады.
Мы одной с тобой чистой
И речистой воды.

2008 г.

Январь

Завис в ветвях январь патлатый.
А мы собой восхищены,
Хоть снегом ласково залатана
Витая роскошь тишины.

И лес, как был, остался таинством,
Стекает время по стволам...
И не бывает в мире равенства,
Бывает только пополам.

И учит нас январь, и пестует,
И водит пальцем по судьбе.
Но что нам жалким, жадным бездарям?
Мы о себе да о себе.

2006 г.

Что-то будет в этой песне?..
Я не знаю, но спою.
Если ветер, ветер если
Гладит голову мою.

Ходит ветер, бродит ветер
По зелёной голове...
Очень много есть на свете
Тех, кто ездит на метле.

Только море не опишешь
И словами не запрёшь.
Разве только что надышишь,
Но не больше, чем соврёшь.

Позвони в мои осколки!
Ну-ка, чайка, позвони!
Будут волны, словно волки,
Рвать канаты и ремни.

1992 г.

Прилив

Распевает у моря
Симфонический блеф
Поседевший от горя
Экзотический лев.

Визги ветра, что скрипка
Под клыками владык.
Что ж так бьётся от хрипов
Треугольный кадык?

Гривы жёлтую осень
Выжжет сивая соль.
Но поёт, а не просит
Одинокий король.
Но рычит, а не хнычет
И кручинит зрачки...
Море львиные кличи
Раскурочит в клочки...

Молодому приливу
Тесен мира кусок.
Мчится грозную гриву
Сбросить в пёстрый песок.

Но притихнет макушка
И лизнёт из руки.
В ней бряцают ракушки,
Как в мешке медяки.

1996 г.

★ ★ ★

Море напрочь память слижет,
Слижет стрелки на часах.
Никого не будет ближе
Тонкой чайки в небесах.

Морю гордому не важно,
Где тут плоть и в чём тут суть.
Я теперь челнок бумажный,
Что готовится тонуть.

Морем все слова размыты.
У него своя тоска.
Море долго и сердито
Строит берег из песка.

Что рычит оно – не ясно,
Велики его дела...
До чего мне здесь прекрасно,
Оттого что я мала.

2006 г.

Старость

Вот мой город игрушечный,
Мой игрушечный дом,
Где сучу по-старушечьи
Паутиновый ком.

Глухо твякаю тапками
Да кукожусь в дугу.
Губы – мокрые тряпки –
Разлепить не могу.

Это старость – острожница...
(Что в костёр, что в корсет...)
В парусиновой коже
Не плясать по росе.

Разлинованным разумом,
Припасённая впрок,

Выйдет старая сказочка
Про ржаной колобок.

– Эй, румяная рожица
Да поджаристый бок!
Только песенка сложится –
Укатись, колобок...

Укатись имяреком
Да и лезь на рожон:
Мол, скребён по сусекам,
На окошке стужён,

Да от всех укатился,
Не попал на зубок...
Вот и ты превратился
В старика, колобок.

Малиновое

Ну что же, отомлело,
Отпело, истекло
Малиновое, спелое,
Весёлое тепло.

Оно цвело и ахало,
Жужжа над головой,
И я насквозь пропахла
Малиной и травой.

И от земли до неба,
Теперь всегда со мной
Малиновая нега
С зелёной бахромой.

2007 г.

Время

Мы так хрупки и всё смешней с годами...
Всё благодарней хлебу и лучу.
Течёт по небу время облаками...
И я за этим временем хочу.

Оно над нами дождиком витает,
Сигает вниз, вливается в глаза,
Оно цветы и запахи глодает,
Оно не против, оно вечно – за.

Его и нет, и никогда не будет...
Оно смятенье, оторопь, озноб...
Но, боже мой, когда о нём забудем,
Оно ложится облаком на лоб.

2003 г.

Оптимистическое

Смешны твои седины,
Твой золочёный дым.
Мы все – цветы да глина
Под небом молодым.

Грешны твои печали,
И душу не морозь.
Мы все всегда вначале –
Просвечены насквозь.

Мы все до смерти дети,
И сети не сучи,
На ухищренья эти
Клюют одни лучи.

И не во что рядиться,
И обнажён любой.
И вечно нечто длится
По имени любовь.

2006 г.

С о д е р ж а н и е

Гимн бытию. Сергей Арутюнов 3

САМОЛЁТНАЯ МОЛИТВА

Самолётная молитва	9
“Из московского “рая”...”	11
Поезд в Сибири	13
Из России привезите	15
“Пусть ложится тоской бессонница...”	16
Мельница	17
“Моя Россия в полном лете...”	19
“Дерева, да заблудшие хижины...”	20
“Нужен дух пионерский...”	21
“Не знаю, чем мы живы...”	22
“Я беспечный ребёнок...”	23
Первый сонет	24

ПОНАРОШКУ

Петрушкин	27
Пиратский шансон	29
Русалка	31
Шутка	33
“Не зуди, моя подпруга...”	35
Арлекин	37
Шапка-невидимка	39
“Ни к чему мне ваши дверки...”	41
“Зелёный и гремучий...”	42
“Позови меня! Призови! Приблизь!...”	43

Думка	44
“Я одрях, я бородою оброс...”	46
Муравьишка	47
“Я знаю, что не струшу...”	48

КЛЕЙЗМИР

Клейзмир	50
Песня моего деда Абрама Кизера	52
Израиль	54
Хайфа	55
Панегирик Израилю	56

ЕВА

Ева	59
“Я – женщина! Я женщина...”	60
“Обрела, что хотела...”	61
“Лишь бы плакали звёзды...”	63
“Что ни утро, то песенка влажная...”	65
Сказка про сына	66
Ворожба	68
“Вы слышали, повенчана...”	70
“И были длинными руки...”	71
“И я тебя прошу...”	73
“Ветер – это такая птица...”	74
“Мнёт напрасная досада...”	75
Танцующий Маугли	76
“Расплелась моя нежность...”	77
Тётя	78
“Если русая русалка...”	79
Притворщица	80
“Ничего не скажу о любви...”	81

“Наплетём слова...”	83
“Уходит сын любить девчонку...”	84
“В окнах забрезжит небыль...”	85
“Да, вся я из капризов...”	86
“Я сильная, я смелая...”	87
“Пускай любовь таится...”	88
“Говоришь из Парижа?”	89
Пугало	90
“О, золотая Афродита...”	91
“Мне давно смешны кружева...”	92

ВРЕМЯ

Новогоднее	95
“Да будет лето...”	97
“Снова лето манит пальчиком...”	101
“Стал мир простым и белым...”	102
“По ночному царству...”	103
Осень	104
Весна	105
“Лето, я твоё растеньице...”	106
“Рыбок лёгкая стайка...”	107
Январь	108
“Что-то будет в этой песне?”	109
Прилив	110
“Море напрочь память слижет...”	111
Старость	112
Малиновое	114
Время	115
Оптимистическое	116

Лавочкина Римма Ефимовна
ПРИТВОРЩИЦА

Книга стихов
с иллюстрациями автора

Редактор Асламов М.Ф.
Корректор Шаврина И.А.

Подписано в печать 26.11.2008.
Формат 84х108/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Minion Pro.
Тираж 500 экз. Заказ № 417

Хабаровское региональное отделение
Союза писателей России —
ООО "Посредник"

Отпечатано в ООО "Экспресс Полиграфия"
г. Хабаровск, ул. Тургенева, 73
тел.: 56-88-80

Мнѣт напрасная досада
Губы глупые твои.
Я не та, с кем знаться надо,
Я слоняюсь по любви.

Хабаровск
2008